

ЕФИМ ЗАХАРОВ

ДОМИК С
КАБАНОМ

Крымский детектив

Ефим Захаров

Домик с кабаном

«Остеон-Групп»

2016

Захаров Е.

Домик с кабаном / Е. Захаров — «Остеон-Групп» ,
2016 — (Крымский детектив)

ISBN 978-5-85689-132-3

Предлагаем читателю со знанием дела написанный боевик-триллер, в котором переплелись судьбы авантюристов, охотников за кладами и удачей с деятельностью профессиональных тайных агентов, террористов и солдат удачи. И всё это происходит буквально здесь и сейчас, на благословенной Крымской земле, почти что в наши дни, в самые тёмные ночи приснопамятного «блекаута», когда свет по всему полуострову был повсеместно отключен. В такое-то тёмное время суток всякая нечисть так и рвётся на свободу.

ISBN 978-5-85689-132-3

© Захаров Е., 2016
© «Остеон-Групп» , 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвёртая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ефим Захаров

Домик с кабаном

Вся история от начала и до конца является выдумкой. Совпадения имен, мест и событий случайны.

Глава первая

*«...Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою...»*

В. С. Высоцкий

Тем, кто имел шанс наблюдать воочию шторм на Южном берегу Крыма в конце ноября ничего объяснять не нужно, а для тех, кто подобного удовольствия по каким-то причинам был лишён, необходимо внести ясность, что явление это красивое и страшное одновременно. Чёрное море, летом тёплое и ласковое, зимой преобразается, и, казалось бы, не очень большие по сравнению с другими морями, а тем более океанами, волны с каким-то необъяснимым остервенением лупят по бетонным набережным и волнорезам, откалывая от них многотонные глыбы, трансформируясь при этом в фонтаны брызг на десятки метров разлетающихся вокруг. Разбушевавшаяся стихия уносит в свою пучину всё, что попадетсся ей на пути, и горе тому прохожему, который окажется рядом в момент, когда очередной вал накроет участок пляжа с пирсом, ведь море утаскивает в свои недра не только мусор, неубранные урны, топчаны и шезлонги, ему ничего не стоит затащить в себя и праздного зеваку, подошедшего поближе, чтобы в полной мере насладиться эффектным природным спектаклем из первого ряда партера.

Нет уж, такое представление лучше наблюдать с балкона, что, в принципе, и делали все постояльцы мини-отеля «Домик с кабаном», зажато между двумя почти отвесными скалами в живописном месте, недалеко от курортного югобережного посёлка в Крыму с само за себя говорящим названием Отвесный, где-то между Судак и Ялтой. Та скала, которая находилась к западу от отеля, по своей форме напоминала кабанью морду, с весьма отчетливо прослеживающимися клыками и пяточком. Даже люди напрочь лишённые воображения улавливали в каменной глыбе поразительное сходство с животным. В сущности, именно скале и обязан был своим названием этот уютный частный крымский мини-отель.

Его хозяева – супружеская пара Чайкиных, очень милые по заверениям всех отдыхающих люди, приветливо встречающие и провожающие своих гостей, и старающиеся изо всех сил придать отдыху именно в их отеле незабываемые впечатления, вызывающие желание вернуться в это место на следующий год, для антуража привесили над входом в отель огромную кабанью голову, вырезанную из не боящегося воды сорта дерева – подарок одного постоянного гостя, ещё больше привязав название своей гостиницы к образу дикого всеядного парнокопытного млекопитающего.

Леонид Борисович Чайкин, коренастый крепкий мужчина на коротких мощных ногах, с квадратным подбородком и глубоко посаженными глазами, сохранивший к пятидесяти пяти практически все волосы на голове, почти не тронутые сединой, начавший свою бизнес-карьеру в аккурат с началом Перестройки, «вышел» из комсомола, и именно те его связи помогли заработать первые деньги, взять удачные невозвратные кредиты и установить вполне довери-

тельные отношения с решающими всё и вся в то время бандитами, а потом и с правоохранительными органами, пришедшими на смену «браткам» в конце 90-х. Он даже успел посидеть немного, будучи обвиненным бизнес-партнёром, таким же бывшим комсомольцем, как и сам, в финансовом мошенничестве, но «замазки» и адвокат сумели подвести Чайкина под удачно вышедшую амнистию, и Леонид Борисович отделался лёгким испугом.

Его жена Василиса Александровна, красивая и эффектная женщина, никогда не показывающаяся на людях без макияжа и в домашней одежде, старающаяся держать себя в форме, слегка располневшая, но сохранившая обаяние и шарм, которая в свои пятьдесят так и не завела себе трудовую книжку, стойко переносила все невзгоды рядом с мужем, торговала на рынке, растила детей, берегла домашний очаг, носила передачи в СИЗО и всячески поддерживала любимого супруга в часы неудач, которые, надо сказать, периодически случались.

Получив возможность «отжать» кусок пляжа между двумя скалами в красивейшем месте на Южном берегу Крыма, Леонид Борисович моментом воспользовался. Продав всю имеющуюся недвижимость, семья Чайкиных, отвоевав у моря ещё несколько десятков квадратных метров, соорудила большую бетонную площадку с пирсом и отстроила пятиэтажный мини-отель на двадцать восемь номеров, на последнем этаже которого, собственно, и проживала, не имея в своём активе более ничего, вкладывая всё заработанное и душу в обустройство любимого детища, пытаясь сделать так, чтобы гостиница работала круглогодично, и даже зимой приносила хоть какие-то деньги.

До ближайшего посёлка Отвесный было недалеко, километра полтора. Туда можно было добраться на машине за пять минут, или пешком тропинкой по-над морем, вытоптанной в скалах, минут за двадцать. Автомобили гости и хозяева мини-отеля оставляли наверху, на скале, где Чайкины оборудовали удобную парковочную площадку, отсыпанную крупным щебнем, к которой можно было подъехать с трассы по дороге, ведущей в Отвесный, а сами пешком спускались по удобной бетонной лестнице непосредственно в отель.

Один из постояльцев «Домика с кабаном» Юрий, атлетически сложенный красавец с усталыми серыми глазами, уже, наверное, не подпадающий под определение «молодой человек», но ещё не достигший «средних лет», от красоты стихии, сказать по правде, устал. Наблюдая черноморский осенний шторм третий день подряд, не имея возможности выбраться из отеля, (вода стояла у самого порога, и единственная бетонная лестница, ведущая на скалу, а оттуда к трассе, постоянно атаковывалась морем), он, в силу безделья, авантюрного характера и спортивного настроения, решил испытать судьбу, и попросил хозяйку гостиницы, любезную Василису Александровну, растопить баню. Очень славная русская баня на дровах была в этом заведении. Да и что делать, когда Wi-Fi не работает и электричество отключилось? Хорошо ещё, что мощный дизельный генератор, имевшийся в отеле, оказался исправным, его ровное урчание заглушалось шумом разбивающихся о скалы и пирс волн и свистящего ветра.

Электричество в Крыму в конце ноября отключилось основательно и, как тогда показалось, надолго. Свершилось то, о чём так долго говорили и писали все, кому не лень, однако Крым почему-то оказался совершенно не готов к такому развитию абсолютно не секретного политического сценария. Подорвав электроопоры на границе, проукраински настроенные активисты блокады Крыма буквально погрузили республику во тьму на несколько дней. Явление это получило в прессе и в Интернете название «блэкаут», а полуостров с лёгкой руки любителей Толкина стал именоваться не иначе, как Мордор. Южный берег исключением из общего правила не стал, в лучшем случае получая электричество на два-три часа в сутки, и находящийся на отшибе «Домик с кабаном» уже третий день работал в автономном режиме.

Надев в своём номере на третьем этаже плавки и халат, Юрий спустился на первый, и, поинтересовавшись всё ли в порядке с паром, зашёл в предбанник, а затем, сбросив халат, в парилку. Постояльцы отеля, также как и он, оказавшиеся закрытыми в комфортных и тёплых каменных стенах с достаточным количеством еды и выпивки, на которую в третий вечер сиде-

ния взаперти поглядывали далеко не с таким восторгом, как пару дней назад, компанию ему составить отказались, но заверили, что будут наблюдать с балконов своих номеров за всеми его движениями в игре с разбушевавшимся морем и искренне пожелали ему удачи. От предостережений Леонида Борисовича Юра отмахнулся. «Все под Богом ходим», – сказал он, перекрестившись, и хозяину гостиницы ничего не оставалось, как только развести руками.

Юрий, как хороший драматический актер, зная, что в настоящее время только он является единственным развлечением для десятка человек, и все ждут именно его выхода, не торопился. Он распарил своё тело и, достаточно пропотев, вышел из парилки в холл мини-отеля, выпил стакан воды и дал себе остынуть естественным образом. Набросив отельный белоснежный халат, он поднялся по ступенькам на второй этаж и вышел на террасу, где его появления у штормящего моря ждали отставной полковник Иван Петрович с молодой, четвёртой по счету, супругой Евгенией, и болезненного вида молодой человек с длинными волосами, бледной кожей лица и тёмными кругами под глазами, лет двадцати пяти, представлявшийся всем Славиком, хотя по паспорту величался Станиславом.

– Ну что же вы, Юра, заставляете нас всех нервничать, – увидев его, удивленно воскликнул Иван Петрович, высокий усатый мужчина под пятьдесят, или слегка за полтинник, с седыми висками и умными глазами неопределенного цвета, отставив на маленький столик стакан с недопитым виски, – Женечка, вот, распереживалась вся. – Он приобнял жену за плечи и ласково поцеловал в щёку. – Мы вас, значит, все внизу высматриваем, а вы ещё по отелю ходите. – Его супруга Евгения, молодая веснушчатая рыжеволосая барышня, примерно ровесница Славика, со смешливыми карими глазками и короткой стрижкой, взглянула на Юру и, окинув взглядом его мускулистую фигуру в плавках и расстёгнутом халате, погасила внезапно вспыхнувший в глазах блеск, и отвернулась к морю. Славик в знак поддержки слов военного пенсионера кивнул, но ничего не сказал, и тоже с интересом уставился на пресс кубиками, чётко вырисовывавшимися на плоском животе. – Когда же мы увидим вашу битву со стихией? – Иван Петрович улыбался и жестом предложил Юрию выпить с ним по стаканчику, плеснув в один стоящих на маленьком столике стаканов немного янтарной жидкости.

– Наберитесь немножечко терпения, – ответил атлет, обнажив свои зубы в ответной улыбке. – Мне нужно ещё чуть-чуть времени на подготовку. – Юра залпом выпил виски, ощутив вкус дорогого качественного напитка, поднял вверх большой палец правой руки, чем вызвал одобрительный кивок Ивана Петровича. – Почти готов, – сказал он, развернулся и стал спускаться по лестнице.

В этот раз Юрий парился дольше, внимательно прислушиваясь к ощущениям и знакам, подаваемым организмом. Он поддал парку, полил водой из деревянной кадушки раскалённые камни и стены, побил себя дубовым веничком и ещё немного посидел, вынуждая тело прогреться сильнее обычного. Когда нахождение в парилке стало невыносимым, он выскочил в холл, пробежал с десятков метров по ковровому покрытию и открыл дверь на улицу, где его обдал сильный мокрый и холодный, но такой приятный ветер. Очутившись по колено в ледяной воде, он пробежал ещё несколько метров и схватился за металлические перила. Надо сказать, что за перила Юра схватился исключительно вовремя, в следующую секунду в грудь и в лицо ударила волна, которая без труда впечатала бы его в каменную стену. Стоящая на балконе второго этажа Женечка закрыла глаза и крепко сжала пальцы рук, что не укрылось от внимания супруга.

Юра успел только вдохнуть немного воздуха, когда его накрыла следующая волна, также как и предыдущая, пытаясь стукнуть человечешку, имевшего неосторожность бросить ей вызов, об бетон. Он удержался, но почувствовал, что перила с одной стороны оторвались, и его держит только кусок арматуры, приваренный к металлическому уголку, вмонтированному в скалу, который может не выдержать вес его тела под ещё одним ударом. Если это про-

изойдет, его кинет на камни, он ударится и, скорее всего, потеряет сознание, а потом его тушку утянет в море.

Юрий поднял глаза и, увидев накатывающую на бетонный берег волну, понял, что у него есть несколько секунд. Он бросился назад к входной двери в отель и успел схватиться за дверную ручку, когда его окатила очередная порция ледяной морской воды, заставив стукнуться носом и грудью об толстое стекло. Юра не почувствовал боли, вжавшись в дверь и, дождавшись отката, открыл её, вбежал в холл и понесся в баню. Ему было холодно, но не страшно. Уже в парилке он обнаружил, что из носа капает кровь, но это его не огорчило, скорее обрадовало. Он в очередной раз сумел побороть свой страх, и смог хоть немного, но отомстить погоде, которая мешает ему вот уже который день, а значит, он сможет сделать то, что задумал.

Глава вторая

Вечером в просторной каминной комнате при свечах на первом этаже за огромным столом собрались постояльцы и хозяева «Домика с кабаном». Иван Петрович пригласил всех на ужин, чтобы выпить за мужество Юрия и проводить последний день шторма, по прогнозу погоды завтра ожидалось заметное улучшение метеоусловий. Леонид Борисович в камине на решетке жарил бараньи стейки, обволакивая комнату ароматом готовящегося мяса, а полковник, как, впрочем, всегда, наполнял рюмки и бокалы присутствующих выбранными ими напитками. Приготовленные и поданные Василисой Александровной селедка под шубой, салат оливье, картофельное пюре, мясная и рыбная нарезки, а также две огромные глубокие глиняные тарелки солений с огурцами, помидорами, перцем и квашеной капустой, пока ещё нетронутые, стояли на столе, ожидая разграбления после команды Ивана Петровича. Полковник, человек старой военной закалки, считал, что до выпитой рюмки закусывать нельзя, поэтому никому, даже детям, не позволял лезть за едой пока не будет «заложено», как он любил говорить, по первой.

Помимо уже известных нам хозяев гостиницы, Ивана Петровича с молодой супругой, Юрия и Славика, за столом уместились Дарья Михайловна – симпатичная женщина средних лет с большой грудью и светлыми курчавыми волосами, с дочерью Наташей, маленькой худенькой не разговаривающей девочкой, по виду не старше лет десяти, такой же светленькой, как и мама, с плохо сгибающимися суставами рук и ног, Дмитрий – писатель из Киева, склонный к полноте мужчина лет сорока с «испанской» бородкой и квадратными очками, а также молодые люди, по всей вероятности не очень традиционной ориентации, вызывающие особый интерес всех присутствующих, москвичи Вадим и Эдуард, проживающие в большущем люксе на четвёртом этаже.

– Очень интересная отделка, – в поддержание вяло текущего разговора отметила Дарья Михайловна, осматривая стену слева от камина, – это что за материал, Леонид Борисович? – Её муж, оставшийся в Рязани, занимался строительством и ремонтом помещений, поэтому она полагала, что кое-что смыслит в стройматериалах. Дарья Михайловна с дочерью заселились три дня назад, как раз тогда, когда начинался шторм. Маленькая Наташа всё это время температурила, и мать почти не отходила от ребёнка, изредка спускаясь на кухню за продуктами. В каминную комнату она до сегодняшнего вечера не заходила, поэтому её интерес был вполне искренним. Все присутствующие уже знали ответ на заданный вопрос, но промолчали, позволив ответить хозяину.

– Это не материал, голубушка. Это природная скала, – с улыбкой оторвался от мяса Чайкин. – Не стал я взрывать этот кусок скалы, а пристроил к ней стены отеля. Если вы заметили, в этой комнате нет кондиционера. Он не нужен. Летом скала – природный кондиционер. Здесь всегда прохладно. Такой же кусок скалы есть в одном из номеров на втором этаже, там тоже нет кондиционера. – Леонид Борисович снова повернулся к мясу и надрезал один из кусков ножом. – Готово. Можем начинать. – Он снял с огня решетку, раскрыл её и положил каждому в тарелку по внушительному бараньему стейку.

– Вот и славно. Первый тост предлагаю за Юрия, он же Жора, он же Георгий Победоносцев. Сегодня Юрий победил морские волны и обеспечил всем нам интересное и щекочущее нервы зрелище. За тебя, Юра, – официально начал банкет Иван Петрович.

– За тебя.

– За Вас, Юрий.

– Мы очень волновались, это было опасно.

– Молодчина, за тебя.

За звоном рюмок и бокалов каждый считал необходимым сказать хоть несколько слов, присоединившись к тосту полковника. Выпив, несколько минут все молчали, работая вилками, ножами и ложками, пробуя сочное вкусное мясо и пытаясь положить в тарелки салаты и соленья.

– Ну, как говорится, поздно выпитая вторая – это напрасно выпитая первая, – Иван Петрович снова наполнил рюмки и бокалы. – У природы нет плохой погоды, – отставник начал второй тост словами известной песни. – Давайте выпьем за шторм, за стихию, и внезапно обрушившуюся на нас темноту, которые подарили нам эти три незабываемых дня на крымском побережье, когда все мы были отрезаны от цивилизации и могли общаться, сидя вместе за одним столом при свечах, как наши деды и бабки, как нормальные люди, а не уткнувшись в эти, как их называют, ну, эти..., – он вопросительно поглядел на жену.

– Гаджеты, – подсказала Женя.

– Вот, вот. Гаджеты. Так что за шторм, за темноту и за нормальное человеческое общение. – Все чокнулись, выпили и принялись тщательным образом закусывать, опять погружившись на несколько минут в полнейшее молчание.

Подобные общие посиделки придумал Иван Петрович, когда отключился свет. Его идею, надо сказать, поддержали все, регулярно собираясь в каминной комнате и что-то жаря на огне. Только Дарья Михайловна не посещала эти мероприятия, оставаясь у постели больной дочери.

Все обо всех уже знали. За разговорами стали известны имена, отчасти отчества и фамилии постояльцев отеля, их род занятий, а также причина, по которой они очутились в Крыму в далеко не курортном конце ноября.

Полковник и Женечка, как их все называли, проводили медовый месяц и одновременно подыскивали жильё в Крыму. Иван Петрович вышел на пенсию и решил поселиться на полуострове с новой молодой женой, которая его в этом начинании поддержала. Они жили в «Домике с кабаном» уже десять дней, прогуливаясь вдоль моря, дыша свежим воздухом, созваниваясь с риэлторами, и иногда отлучаясь для просмотра той или иной квартиры. Полковник и Женечка оплатили две недели, и, как казалось хозяевам гостиницы, должны ещё продлить своё пребывание у них, так как никакого подходящего варианта с жильём им пока не подвернулось. Как рассказывал отставной военный, свою квартиру в Комсомольске-на-Амуре он продал и туда возвращаться не собирается, а его дальневосточной пенсии вполне хватает, чтобы жить в отеле у Чайкиных аж до лета, когда цена номера перестаёт радовать простого человека.

Худой и замкнутый Славик был программистом-фрилансером из Санкт-Петербурга. Он писал какую-то мудрёную программу для нового проекта в сфере интернет связи, а поскольку в Питере образ его жизни не позволял всецело сосредоточиться на процессе, заказчик отправил Станислава в зимний Крым, где, как он полагал, ничто не помешает как можно быстрее закончить столь ожидаемую работу.

Чем занимались в обычной жизни Эдик и Вадик, не удалось узнать никому, по всей видимости, ничем. Они приехали в Крым из Москвы на неделю насладиться обществом друг друга вдали от шумных столичных тусовок, что им, в принципе, и удавалось. Шторм и вынужденное заточение в скальном отеле не вызывали у них ни малейшего дискомфорта, они были счастливы и всем своим видом демонстрировали это.

Дмитрий приезжал в ноябре-декабре в «Домик с кабаном» уже восемь лет подряд, он вполне мог считать себя не клиентом, а другом семьи Чайкиных. Каждый год, в январе или феврале он издавал новый роман, сдавал пьесу или сценарий. Писатель говорил, что только здесь, под свист ветра и шум волн он может закончить произведения, над которыми трудился целый год, вычитать их в тишине, исправить написанное. Только в Крыму получается и пишется то, что не всегда получается и пишется в Киеве. В этот раз Дмитрий сочинял мифические «Записки короля Толана» и спешил завершить работу над ними именно в Крыму.

Большинству постояльцев отеля из-за ничегонеделания оставалось только перемывать косточки друг другу, поэтому появление в компании нового человека вызвало абсолютно живой и искренний человеческий интерес. Сидящим за столом людям, не ограничивающим себя в еде и выпивке, вдруг стало очень любопытно послушать историю Дарьи Михайловны и её невзрачной дочери, поэтому все, не сговариваясь нарочно, подвели гостью, заселившуюся последней, к рассказу о себе.

– Ну что сказать? Рассказывать особо нечего, – засмушалась дама. – Зовут меня Дарья Михайловна, можно просто Дарья, дочь мою зовут Натальей, – она погладила сидящую рядом девочку по голове. – Я из Рязани, замужем, есть ещё двое детей, мальчик и девочка. – Она вздохнула и продолжила. – Наташа болеет сильно, руки и ноги не гнутся, вот, разговаривать перестала, с каждым годом всё хуже и хуже. Всех врачей оббегала, и в Москве и в Питере была. Никто ничего поделать не может, даже причину назвать затрудняются. Страдает дитя, и мне от этого плохо, – она смахнула слезу с глаза, но нашла в себе силы продолжить. – Сказали мне, что в селе Отвесном бабка живёт, которая молитвами больных на ноги ставит. Созвонилась я с ней, та говорит – приезжай. Вот, приехали. Так Наташа заболела, свет отключили, да и шторм этот, выйти нельзя. Завтра, если распогодится, к ней пойдём. Не знаете, это далеко?

– Я отвезу вас. Я знаю куда, – все присутствующие прониклись рассказом Дарьи Михайловны, а Леонид Борисович, на правах хозяина, любезно предложил свою помощь.

– Спасибо, – сказала в ответ женщина, по лицу которой в отблеске покачивающейся от дыхания свечи пробежала тень. Без лишней надобности свет старались не включать, направив всю мощь работающего генератора на холодильники и котёл, отопливающий гостиницу.

– Есть такая бабка в Отвесном – баба Фая. Реально людям помогает, молитвами отчитывает. Правильно сделали, что приехали, она поможет, – вступила в разговор Василиса Александровна. – Я и сама у неё была, да и Лёня... – хозяйка замолчала, поймав взгляд мужа. – Как распогодится, Леонид Борисович вас отвезёт к ней.

– Ну, тогда за здоровье всех присутствующих, – полковник вновь наполнил рюмки сидящих за столом.

«Записки короля Толана»

I

Стук в дверь был громкий и властный. Три раза чей-то могучий кулак дотронулся до двери, прикрывающей вход в нашу лачугу, и было в этих неспешных ударах что-то магически-неотвратимое, словно злой властитель Рок, спешащий уничтожить всё живое и навечно поменять день на ночь, или промокивший насквозь добрый седой волшебник в большой иллье, путешествующий в одиночестве и непременно делающий для приютившей его семьи что-то хорошее, стоят там, в темноте и холоде, и мечтают зайти на огонёк прогреть свои промёрзшие кости. Ещё не увидев незваного гостя, я уже каким-то неведомым образом понял, что кто бы ни был за дверью, он изменит привычный уклад жизни, повернёт её в абсолютно неожиданное русло, из которого пути назад уже не будет. Нехорошее предчувствие зародилось внутри, но я попытался успокоить себя тем, что, возможно, тот, кто пока ещё стоит по ту сторону двери принесёт что-то радостное и светлое, я ведь пока не знал кто там.

– Открывай, – послышался зычный, но не мрачный голос.

– Иду, – неспешно отозвался отец, медленно подходя к двери.

Мать побледнела и замерла, стоя у большого деревянного стола посреди большой и единственной комнаты, тускло освещаемой фитилём масляной лампы, теребя в руках тряпку,

я забился под лавку в тёмном углу, а мой старший брат Родус, взяв длинный ухват, зашёл за угол печи в тень.

Отец отпер недовольно проскрипевший засов, и в дом зашли двое мужчин, одинаково косматые и бородатые, одетые в грубые мешковатые кожаные куртки и штаны, обутые в высокие непромокаемые сапоги со шпорами, на их простых, но крепких поясах болтались широкие изогнутые ножи, а за спиной высились рукоятки длинных мечей. С курток и мокрых слипшихся волос капала вода, собираясь на неровном каменном полу в небольшие лужицы. Они были очень похожи на нас, такие же светложие, русоволосые и голубоглазые, но они были другие, другие внутри. О том, что они не такие как мы, я буду иметь возможность убедиться несколько позже, а пока, выглядывая из-под лавки и внимательно рассматривая непрошенных гостей, я не увидел в их облике ничего такого, что отличало бы их от нас, от отца, например. Нашивок или платков с гербами, которые могли бы определить принадлежность воинов тому или иному господину, я не заметил.

– Кто есть в доме? – спросил тот, который повыше. Он хорошо говорил на нашем языке, но как-то непривычно долго тянул гласные.

– Я, моя жена и двое детей, – тихо и спокойно отвечал отец.

– Кто-то посторонний?

– Нет. Только свои.

– Кто из вас был на площади у Ратуши сегодня утром?

– Я был. Я – городской фискал, собираю налоги. Старший сын был в школе, а младший – с матерью дома.

– Так это ты Максан? – в разговор вступил тот, кто был пониже ростом. Он говорил на нашем языке чисто, без акцента. Воин сделал несколько шагов, подойдя ближе к отцу, встав лицом ко мне, и в мерцающем свете фитиля масляной лампы я смог разглядеть шрам, пересекающий его лицо от левой щеки через губы к правой нижней части подбородка, перед тем как отец закрыл его от моих глаз своим телом.

– Я, – отец сделал шаг навстречу. Время словно остановилось, в воздухе повисло напряжение, я видел, как побелели костяшки пальцев на руках моей матери, сжимающих грязную тряпку, и в тишине было слышно, как потрескивают дрова в печи.

– Отдыхай, Максан, у тебя был трудный день. Мир тебе и твоему дому, – двое развернулись и не спеша, словно нехотя, вышли на улицу в дождь.

Отец запер дверь, подошёл и обнял мать, которая почему-то уткнулась носом в его плечо и заплакала, уронив ветошь на пол.

– Всё будет хорошо, не плачь, ничего страшного пока ещё не произошло... – я видел, как отец гладил мать по спине своей широкой шершавой ладонью. Я вылез из-под скамьи, а Родус вышел из-за печи, поставив ухват на место. Отец, не отпуская матери, обернулся к нам, – быстро спать, – и мы с братом, не понимая, что происходит, ушли в свой угол, где, не раздеваясь, улеглись на широкие деревянные лавки, застланные овечьими шкурами.

Я долго не мог тогда заснуть и жадно ловил обрывки слов, долетавших до моих ушей из другого угла комнаты, где мать что-то серьёзно говорила отцу, иногда всхлипывая, не понимая, почему родители так всполошились из-за косматых солдат. Сейчас я уже не могу подробно вспомнить, что именно говорила мама, помню только, что она уговаривала его уехать куда-то как можно быстрее, «пока не поздно», так она сказала.

– Нет, – отвечал отец, немного подумав, – это мой дом, и я не дам никому забрать его у меня и моих детей. Нужно перестать бояться. Поверь, мне. Рано или поздно они уйдут, а мы останемся.

Мне было девять, и я впервые увидел их, тех, кто уже через несколько дней изменит нашу спокойную и мирную жизнь. Сейчас, когда прошло достаточно времени, чтобы забыть всё плохое, когда вот-вот будет завершена работа над памятником, который будет уста-

новлен на главной площади того самого города, где всё начиналось, этот эпизод жизни может показаться незначительным и мелким, но не для меня. Именно тогда я по-настоящему увидел отца, хотя смотрел на него много раз и знал все шрамы на его лице и морщины в уголках глаз, собирающиеся в пучок, когда он улыбался, но не видел того, что внезапно открылось мне той дождливой весенней ночью, и решил во что бы то ни стало быть похожим на него. Может быть именно этот момент, так отчетливо врезавшийся мне в память, изменил ход истории.

Глава третья

Его звали Юрий Алексеевич Ярошенко, и еще несколько месяцев назад он и не подозревал, что в конце ноября окажется в российском Крыму, отключённым от электричества, причём, приедет туда сам, и не просто так, а с конкретной целью. Он родился и вырос в Полтаве. Отец ушёл из семьи, когда Юра был ребёнком, но мать вскоре нашла достойного мужчину, воспитавшего его, как он считал, правильно. Именно его он с гордостью называл папкой, а своего настоящего отца видел нечасто, последний раз на похоронах бабушки, с землистого цвета лицом и впалыми глазами, спившегося и осунувшегося. Какого-либо желания общаться с этим человеком он не испытал.

Юрий занимался каратэ, а отчим, офицер воздушно-десантных войск, обучил его «особым» приёмам, которые в реальной жизни значительно нужнее тех, что показывают тренеры в спортивных секциях. Идти по военной стезе, где папка мог бы составить ему протекцию, он не захотел, после девяти классов школы поступил в профтехучилище, а потом устроился на завод, где изготавливал запчасти для турбин гидроэлектростанций. Зарплата, плюс кое-какой «левачок», плюс участие в коммерческих боях без правил, и Юрий Ярошенко, отметив двадцать седьмой день рождения, был абсолютно доволен собой, своей жизнью и происходящим вокруг, запросы у него были скромные, денег хватало, с личной жизнью всё тоже было в порядке, недостатка женского внимания он не испытывал.

С раннего детства Юра всё время чего-то боялся. Самый первый страх, который он помнил, это был страх быть избитым вернувшимся домой пьяным отцом. Потом он боялся своих одноклассников или друзей по двору, которые смеялись над ним, дразнили и били за то, что он чего-то не умел, например, прыгать в воду «рыбкой», а он боялся прыгать в воду вниз головой, или залезать на крышу недостроенного здания и стоять на краю, он боялся высоты. Страхом была пронизана вся его жизнь, он боялся даже того, что он боялся, он боялся страха.

Ему было восемь, когда мама, наконец-то, после нескольких проб и ошибок, нашла человека, который сделал её счастливее. Юра был ему бесконечно благодарен за то, что тот научил его не бояться страха, а став взрослым, он понял, что должен быть благодарен ещё и за маму, только с этим невысоким грубоватым мужиком у неё снова блестели глаза и она улыбалась.

Отчим заставлял маленького худенького и болезненного Юру делать то, чего тот боялся, не обращая внимания на его детские слёзы и увещевания матери. «Я сделаю из него мужика», – говорил папка и делал это, на собственном примере показывая, что всё возможно. Он научил его драться, а потом отвёл в секцию каратэ, научил нырять «рыбкой», стоять на голове и крутить сальто, прыгать на «тарзанке» и лазать по канату, ходить на руках. Оказывается, абсолютно нет ничего страшного в боли, в синяках и ссадинах, и нет никакого кошмара в том, чтобы ударить первым, подойти к незнакомому человеку или войти в чей-то до этого неизвестный кабинет, о чём-то кого-то попросить или спросить, самому начать разговор... За два года Юра из забитого и унижаемого всеми пацана превратился в дворового и школьного «авторитета», который всегда был в курсе всего происходящего в классе и на улице. Он дрался, падал, вставал и снова дрался, мямлей он больше не был. Став взрослым и самостоятельным мужчиной, Ярошенко всё равно иногда ловил себя на мысли, что боится какого-то поступка или человека, но он научился побеждать страх и каких-либо непреодолимых преград перед собой уже не видел.

«Майдан», последовавшие вслед за ним «Революция достоинства», аннексия Крыма Россией и война на Донбассе круто изменила его жизнь, как и жизнь десятков тысяч мужчин и женщин в Украине. Когда на завод пришла повестка, Юра не колебался ни секунды, так он был воспитан. Послезавтра утром он был в военкомате, а уже через неделю сидел в блиндаже в зоне АТО под Донецком.

Он не любил церковь, но в Бога верил. Юра полагал, что церковь – это абсолютно не нужный посредник между людьми и Всевышним, которая живёт по своим собственным правилам, не имеющими ничего общего с душой человека, в общем, обычный бизнес-проект, рядовая работа для тысяч его сограждан, за которую они, как и он на заводе, ежемесячно получают зарплату. Тем не менее, он не смог послушаться матери и пошёл вместе с ней в храм, где отстоял всю службу, поцеловал крест у батюшки и позволил себя благословить. Крестик, подаренный мамой и висевший на его шее на простом чёрном шнурке, с того дня он больше не снимал.

Воевал Юра правильно и с усердием, приказы командиров не обсуждал, если надо, полз туда, куда послали, особо не задумываясь о собственной безопасности. Он без страха и сожаления воевал за свою землю, за Украину, и был бы не против, если бы его имя вписали в длинный список погибших за Родину и похоронили с солдатскими почестями. Жалел он только о том, что детей не нажил. Нельзя умирать, не оставив после себя хоть кого-нибудь, – так думал рядовой Ярошенко, сидя в окопе, утирая рукавом грязный пот на лице, вслушиваясь в свист снарядов, крестясь, поднимая глаза к небу и гадая, пронесет ли на этот раз.

В плен Юра попал без сознания, в нормальном состоянии он бы не сдался, зубами бы рвал врага до тех пор, пока не пристрелили, но получилось так, как получилось. Вылетевший из стены дома, который и домом-то назвать было уже нельзя, так, развалины, камень попал ему чётко в лоб. Каска спасла от смерти, но не от сотрясения мозга, однако натренированная многолетними ударами голова и тело спортсмена пришли в норму достаточно быстро. Несколько месяцев сидел он в подвалах Донецка вместе с такими же бойцами украинской армии, Национальной Гвардии, «Правого сектора», батальона «Азов» и другими вполне достойными его компании мужчинами. Поначалу разговаривали мало, потом сдружились, помогали друг другу, кто чем может. Там сошёлся Юра с Максом, бойцом «Азова», молодым парнем из под Харькова, ультрасом «Металлиста», а тот, в свою очередь, познакомил его с Федором Сергеевичем. Кем был Федор Сергеевич, суровый худой, словно высохший, молчаливый бородатый мужик с маленькими злыми глазами и лысым черепом, на котором, казалось, вообще не растут волосы, Юра не знал, но догадывался, что человек это не простой.

Пленных постоянно пересаживали из камеры в камеру, переводили из подвала в подвал, меняли местами, водили на допросы. Его тоже один раз допрашивали. Было это в сентябре, в числах к тому времени он уже потерялся, утром. Застегнули наручники за спиной, одели на голову мешок, вывели из подземелья, посадили в автобус и куда-то отвезли, там вывели из автобуса, подняли по ступенькам на второй этаж, сняли мешок и завели в кабинет, где за столом располагался молодой человек, примерно его возраста, с русыми аккуратно причёсанными на пробор волосами и веселыми зёлёными глазами, с хорошо узнаваемым московским акцентом, в военном камуфляже без каких-либо опознавательных знаков.

Геройствовать, как положительные персонажи в кинофильмах про войну, Ярошенко не стал, честно и правдиво рассказал молодому человеку всё, что ему было известно. Известно ему, рядовому бойцу, было не очень много, поэтому особо он допрашивающего его офицера, а в том, что это был офицер, Юрий не сомневался, не заинтересовал, его сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и довольно быстро отвезли в подвал, но уже в другой, в тот самый, где он познакомился с Максом. Больше его на допросы никто не вызывал, но из подвала в подвал переводили регулярно. С Максом он больше не пересекался, но несколько раз оказывался в одном помещении с Федором Сергеевичем, фамилии которого он так и не узнал.

В начале октября он сидел в очередном подвале, прислонившись спиной и затылком к влажной холодной стене, думая о родной Полтаве, спортзале, тренировках и знакомых девчатах, мысленно гуляя с ними по улицам родного города. Когда его фантазийное свидание с одной из девушек по имени Люба, высокой стройной брюнеткой с правильными чертами лица и не очень стойкими моральными устоями, уже подходило к логическому завершению, от Круглой Площади они шли пешком, он проводил девушку до дома и намеревался зайти

в гости, его кто-то тронул за плечо. Юрий открыл глаза и увидел склонившееся над ним суровое лицо Федора Сергеевича.

– Денег хочешь? – шепотом спросил мужик, дыхнув в его лицо ароматом давно нечищенных зубов.

– В смысле? – не понял Юрий.

– Меня убьют завтра. Я знаю. Оставлять меня в живых нельзя, опасно, – он так спокойно говорил о своей смерти, что Юру невольно передёрнуло. – Если сделаешь так, как я скажу, денег получишь много, – Федор Сергеевич говорил с каким-то едва уловимым акцентом, но что это за акцент, Юра не понял, раньше он такого выговора не слышал.

– Я же отсюда тоже могу не выйти.

– Выйдешь. Ты – выйдешь. – Собеседник говорил более чем уверенно.

– Слушаю, – Ярошенко напрягся, а лысый мужик припал губами к его уху и начал шептать.

– Запоминай. На Южном берегу Крыма, около села Отвесное, есть мини-гостиница, называется «Домик с кабаном», там муж с женой хозяйствуют, его зовут Лёня, а её Василиса. В номере триста первом этой гостиницы, в ванной, в вентиляционном канале на двадцать сантиметров слева есть кирпич, который, если его пошатать, вынимается. За этим кирпичом – ниша, а в нише лежит табличка металлическая в виде солдатского жетона. Ты табличку эту возьми, на ней написано, где деньги спрятаны. Запомнил?

– Да, – еле слышно одними губами прошептал Юрий, пытаясь про себя повторить всё то, что он только что услышал.

– Мне они уже не пригодятся, может тебе счастье принесут, – Федор Сергеевич отошёл и уселся в угол напротив, а рядовой Ярошенко принял ту же самую позу, в которой его застал неожиданный собеседник, не заметив, как за их разговором из разных углов тёмного подвала внимательно наблюдало несколько пар проницательных и отнюдь не солдатских глаз.

Через несколько часов Юру перевели в другую камеру, и больше он Федора Сергеевича не видел, а спустя ещё какое-то время его обменяли на бойца ДНР, попавшего в плен украинской армии. Послужив ещё неделю после освобождения, Юрий демобилизовался и уехал домой в Полтаву, решив забыть всё, что он услышал в донецком подвале, но, как назло, каждое слово Федора Сергеевича словно врезалось ему в мозг, и ежедневно по несколько раз на день его память дословно воспроизводила монолог лысого бородатого мужчины с непонятным акцентом.

– Если ты постоянно о чём-то думаешь, значит, ты боишься того, что с этим связано, – так говорил ему папка, – нужно победить страх, тогда ты перестанешь думать об этом.

Побеждать страх Юрий умел. Он пошёл в кассу на вокзал и купил билет на харьковский поезд. В холодный снежный ноябрьский день он вылез из вагона на перроне Новоалексеевки, где его сразу же окружили таксисты, предлагая за вполне умеренные деньги довезти до любого пункта назначения в Крыму. Он выбрал молодого паренька по имени Миша, который на белой «Lada Granta» без проблем перевёз его через границу.

Помимо Юрия в автомобиле ехала молодая женщина с двумя детьми, симпатичными девочками, видимо погодками, лет пяти-шести, которые постоянно капризничали и ныли, хотели то есть, то пить, то писать, а на подъезде к Симферополю младшую стошнило, хорошо ещё, что не в машине, Михаил успел остановиться, пулей выскочил со своего водительского места и открыл заднюю дверцу за секунду до того, как всё выплеснулось наружу. Разговор не клеился, водитель пребывал не в самом добром расположении духа, поэтому ехали молча, слушая музыку.

Высавив мамашу с потомством на вокзале в Симферополе, Миша с явным облечением спросил Юру:

– Тебе в Симферополь или куда подальше?

– Мне в Алушту.

– Давай я тебя отвезу, не так далеко. Хоть поговорим по дороге, а то я как-то устал очень от мамули с её детками, отойти надо, мне ещё назад ехать.

– Спасибо, – обрадовано сказал Юрий. – Я заплачу сколько надо.

– Не надо ничего, – буркнул водитель, вылез из машины и пошёл разговаривать с местными «карпалами», кучкующимися в районе автостанции.

Ярошенко с интересом смотрел по сторонам. В Крыму последний раз он был лет десять назад, после школы, в августе. Он помнил, что на симферопольском железнодорожном вокзале бурлила людская толпа, периодически выплескиваясь из здания вокзала, перронов и привокзальной площади в близлежащий парк со скульптурой Ленина на входе. Ильич, сидя в задумчивой позе, мрачно наблюдал за нервными и усталыми людьми, оккупировавшими его постамент, проводящими время в ожидании нужного поезда на траве под деревьями, разбрасывающими вокруг окурки, бумажки, бутылки и пластиковые стаканчики, в надежде глядя на часы на высокой башне. Их поезд тогда тоже задерживали, и они с папкой и мамой также как и все сидели в парке на газоне, пили чай из термоса и ели бутерброды с сыром...

Сейчас вокзал был пустой. Вообще пустой. Несколько машин, припаркованных на огромной стоянке, да пара молодых людей, видимо студентов, жующих пирожки и прихлёбывающих что-то горячее из бумажных стаканчиков. Вблизи автостанции ещё наблюдалось какое-то оживление, но сам вокзал словно вымер.

– Жуткая картина, как из фильмов про будущее, в котором все люди погибли, – непроизвольно сказал он, когда Миша вернулся в машину.

– Ты о чём? – не понял водитель.

– Про вокзал. Людей нет, как будто умерли все.

– А, ты про это, – он завел двигатель. – Да, наверное, похоже. Я привык уже, не обращаю внимания, часто сюда езжу. Поезда же не ходят, пути разобраны, вот вокзал и не работает, только электрички какие-то ползают. – Они выехали на дорогу и сразу же встали в пробке. – Невозможно стало по Симферополю ездить, не справляется город с таким количеством транспорта, понаехали, б...дь, – Юрий видел, что Миша начинал заводиться, и перевёл разговор на другую тему.

– Назад пустой поедешь?

– Нет. Я с ребятами местными «перетёр» по-быстрому. Через два часа вернусь, а они мне людей «подгонят» до Новоалексеевки. Я им часть «отстегну», всем выгодно. Так и живём, – он хотел снова матюгнуться, но сдержал себя. – Россия, Крым, Украина, люди-то везде нормальные, все выживают, как могут.

Они много ещё о чём говорили, и сорок минут дороги пролетели незаметно. На въезде в Алушту в глаза бросилось большое красочное «граффити» с Президентом. Он был в тёмных очках и улыбался на фоне контуров крымского полуострова, раскрашенных в цвета российского флага, и надписи о принадлежности Крыма, ставшей слоганом. Возле стены копошились люди. Михаил сбавил скорость и, подъехав поближе, можно было рассмотреть характерные и легко узнаваемые усики, пририсованные чёрной краской под носом, а также небольшую надпись «Слава Україні», сделанную такой же чёрной краской поверх слогана. Юра и Миша посмотрели друг на друга и не смогли сдержать широкой улыбки, так и ехали оставшиеся минуты, скаля зубы, увиденное прочно и надолго подняло им настроение.

– Давай, брат. Удачи тебе, – припарковавшись около автовокзала, водитель протянул руку ладонью вверх. – Дальше-то сам доберешься?

– Доберусь. – Ярошенко крепко пожал протянутую руку. – И тебе удачи. Спасибо.

Он вылез из машины, проводил взглядом умчавшуюся в обратном направлении белую «Lada Granta», и, справившись у пожилой женщины на лавочке как добраться до Отвесного,

забросил сумку на плечо и пошёл на остановку, где уже через пару минут поймал нужную ему маршрутку.

«Домик с кабаном» Юра нашёл быстро.

– У Вас есть триста первый номер? Нельзя ли поселить меня в него. Это цифры, приносящие мне удачу, – он лучезарно улыбнулся встретившей его Василисе Александровне. – Я – спортсмен. Буду драться в боях без правил в Ялте, поэтому удача мне очень нужна, – к поездке Ярошенко готовился, ползая по Интернету и выяснил, что через несколько дней в Ялте действительно будет проводиться турнир по смешанным единоборствам.

– К сожалению, этот номер занят, – Чайкина была явно расстроена. – Может быть, подойдет триста третий, говорят он счастливый.

– Давайте триста третий, – с безразличием сказал Юрий, стараясь не показать, что его очень огорчили непредвиденные трудности.

Он изо всех сил старался соответствовать созданному им образу спортсмена, бегал утром и вечером, отжимался, подтягивался, растягивался и достаточно правдоподобно расстроился, когда из-за шторма не смог принять участие в соревнованиях.

В нужном ему триста первом номере, через стену от него, обитал полковник с молодой женой, и Юре пришлось подружиться с ними, что, впрочем, было совсем не трудно, в первый же вечер Иван Петрович сам зашёл к нему и пригласил на стаканчик виски. Военный с супругой часто отлучались по делам, они отсутствовали в гостинице по несколько часов, и Юрий решил пробраться в номер, когда их не будет в отеле, но разбушевавшееся море внесло коррективы в его неплохой, как он полагал, план.

Глава четвёртая

Разговоров о политике старались избегать, и в трезвом состоянии это удавалось, но когда слева от полковника на полу вдоль стены выстроилась «батарея» пустых бутылок из-под виски, водки и шампанского, сидящее внутри каждого, кто хотел поговорить об этом, хлынуло наружу. В этот раз начал Дмитрий.

– Не пойму я вас, россиян. Что вас не устраивало? Нефть по сто долларов за баррель, бюджет резиновый – живи и радуйся. На хрена вам этот Крым был нужен? И здесь всем людям жизнь испортили, и Украину в войну втянули, сами под санкции попали, не знаете, что теперь делать. В Сирию влезли зачем-то. Вот скажите мне, Иван Петрович, вы человек не глупый. Зачем? – писатель убрал со стола очередную пустую бутылку.

– Русские своих не бросают. Нигде и никогда. И Крым наш был всегда, по недоразумению какому-то Украине он достался. Мы просто восстановили историческую справедливость. А на Украине фашисты и националисты власть захватили, они сами русских ненавидят, и всех заставляют ненавидеть. Спасли мы Крым, людей наших спасли, нельзя было тогда по-другому.

– Какие фашисты, о чём Вы говорите? Я в Киеве всю жизнь живу, никогда их не видел. Приезжайте, взгляните, как на Украине живется. Вы, небось, дальше своего Дальнего Востока и не видели ничего больше, так хоть на старости лет посмотрите, как люди в мире живут, авось и мнение своё измените. А Крым вы спасли отлично, слов нет. Два миллиона человек без будущего оставили, на блокадном острове заперли, без продуктов нормальных, без воды, без возможности за границу выехать, так вдобавок ещё и без электричества.

– Не поеду я к Вам, бандеровцы проклятые, – полковник начинал заводится, что, по всей видимости, очень забавляло писателя. – А Крым без воды и света вы, украинцы, оставили, людей заморить хотите. Только не получится ничего у вас. Ещё немножко потерпеть надо, и всё в Крыму будет.

– Хорошо, не нужно ехать, и дискутировать с вами на предмет того кто Крыму хорошо и плохо сделал я не буду, бесполезно это, каждый при своём мнении останется, – примирительно поднял руки вверх Дмитрий. – Давайте у людей спросим, хорошо ли им от того, что Крым российским стал?

– У каких людей? – удивился Иван Петрович.

– Да у тех, кто рядом с нами за одним столом сидит, с кем хлеб-соль делим, – киевлянин обвёл стол рукой. – Дарья Михайловна, – позвал писатель женщину, которая отошла к камину и о чём-то негромко беседовала с Леонидом Борисовичем.

– Чего? – отозвалась она.

– Вы не могли бы уделить нам пару минут Вашего времени, – глаза Дмитрия блеснули.

– Ну, только если пару. Мне Наташу спать укладывать надо. – Дарья Михайловна подошла, поставила рядом с собой свечку в металлическом подсвечнике в виде собаки, и присела на стул рядом с писателем.

– Вы из Рязани, если я не ошибаюсь?

– Да, из Рязани. А что?

– Нет, нет. Ничего. Я просто уточнил. Вот у нас с полковником спор завязался, рассудите нас, пожалуйста. Лучше ли стало жить в последние год-полтора?

– Помилуйте, Дмитрий, простите, не знаю как Вас по отчеству.

– Можно просто Дмитрий.

– Куда там лучше? Хуже, и намного. Цены взлетели безумно, на всё, а зарплаты не то, что увеличились, а уменьшились. У мужа заказов нет, у людей деньги закончились, чтобы строить что-то или ремонты делать, все только концы с концами сводят, злые какие-то стали,

а молодежь уезжает в столицы, нечего им в провинции делать, а те, кто остался, пьют, колются и воруют. Работы нет.

– А вы не считаете, что это с Крымом как-то связано? – гнул свою линию писатель.

– Конечно, считаю. Весь мир против России ополчился из-за Крыма, санкции ввели, у людей бизнес, создаваемый годами, рушится. Правильно это или нет, не мне судить, но я тоже жить нормально хочу. Здесь и сейчас, а не когда-то там, после кризиса и отмены санкций, когда нефть опять по сто долларов за баррель будет стоить, как обещают по телевизору. Так ещё и бюджет наш в Крым вливается, как в бочку бездонную. Воду Крыму отключили – давайте воду проводить. Сейчас свет вырубили – давайте провода в Крым тянуть, генераторы покупать, подстанции разные. Ещё и мост этот, через пролив, стоимостью в миллиарды. А это всё деньги, между прочим. Наши деньги. А почему в Рязань эти средства не вложить, а? Больницу хотя бы нормальную построить. Извините, я всё о своём, – женщина смахнула ладонью слезу, предательски заблестевшую в уголке глаза. – Как по мне, если это что-то изменит, так я бы Крым этот назад вернула.

– Спасибо, Дарья Михайловна, – писатель поцеловал даме руку. – Я думаю, что Вы нас рассудили. – Женщина попрощалась, пожелала всем спокойной ночи, взяла дочь и свечу, и пошла по направлению к лестнице, ведущей наверх, а Дмитрий налил себе и полковнику немного виски в стаканы, выпил без тоста и продолжил. – Вот, Иван Петрович, сидят рядом с нами москвичи Вадим и Эдуард. Самая, что называется, продвинутая молодёжь, будущее страны. Давайте, у них спросим, лучше ли стало жить в столице в последнее время. А, молодёжь?

Вадим и Эдуард растерялись и одновременно пожали плечами.

– Ну, не знаю, – сказал Эдик, растягивая слова, – в Москве всё так же как обычно, лично я разницы особой не заметил.

– Ты за МКАДом когда последний раз был? – весело спросил друга Вадим. – Наверное, ты там вообще никогда не был.

– Может и не был. Я про Москву говорю, Вадя. Как спросили, так и ответил, – он отвернулся от товарища и сделал обиженное лицо.

– А мне кажется, – взял слово Вадим, его протяжное «а» явно выдавало в нём москвича, – что при хохлах в Крыму было дешевле и веселее. Сейчас мрачно всё и тоскливо, мобильные приложения не работают, карточки кредитные. И дорого. Раньше я всегда в Крым с удовольствием ехал, фестивали там всякие, «Казантип» тот же, а сейчас я лучше на Ибицу полечу, по деньгам примерно так же, но значительно круче. Да и без электричества сидеть, знаете ли, довольно некомфортно.

– А я тоже скажу, – рядом с Дмитрием появилась Василиса Александровна, незаметно выплыв из темноты. – Если раньше мы с Лёней, отработав сезон, могли себе позволить гостиницу закрыть до мая и на Гоа или во Вьетнам месяца на два улететь, то сейчас нет. Сезона еле-еле хватает, чтобы зиму пережить и то, если деньги никуда не вкладывать. А траты постоянные – берег укрепи, пирс и волнорез после зимы поремонтируй, внешний вид в порядок приведи, а это всё деньги. Так на это уже особо не хватает. Если при Украине работали спокойно, налоги платили и нас никто не трогал, то сейчас проверка на проверке, душат все, кому не лень, на штрафах одних разориться можно. У нас с мужем, кроме отеля этого, за душой больше нет ничего. Машина, на которой мы за продуктами на рынок ездим, и та не наша, а сватов. Гостиница – нам как ребёнок, мы её своими руками строили, душу в неё вложили. Если с ней что-нибудь случится, то мы по миру пойдём, ничего больше у нас нет. Хочется жить и работать нормально, понимаете, а не под правила непонятные подстраиваться.

– Ну что, Иван Петрович, кому от российского Крыма лучше стало? – Дмитрий размашистым пьяным жестом отодвинул от себя свечу и уставился на отставного военного.

– Мне, – зло ответил полковник, выпил залпом виски, поднялся, огляделся и вышел из каминной. Писатель откинулся на стуле и расплылся в улыбке. Он чувствовал себя победителем.

– Нация рабов. Все рабы сверху донизу, – негромко сказал Дмитрий, когда шаги полковника стихли в тишине длинного коридора.

– Это кто сказал? – рядом с ним присел Леонид Борисович. Он очень любил разговоры с начитанным и интересным писателем, всегда пытаясь почерпнуть что-то новое, доселе ему неизвестное. Чайкин в последнее время много читал и прямо таки как гончая за зайцем бросался в интересные разговоры. Но разговором, в полном смысле этого слова, их общение можно было назвать с большой натяжкой, поскольку говорил в основном Дмитрий, а хозяин мини-отеля преимущественно молчал и слушал.

– Это Николай Чернышевский сказал и написал, больше чем сто лет назад. К сожалению, ничего не изменилось. Как Иван Грозный сделал людей русских рабами, так по сей день из рабства не вылезают, в доброго царя верят. Сам в говне живет, изба дырявая, крыша течёт, с огорода кормится, на соломе спит, дети голодные и оборванные, но спроси его счастлив ли он, скажет, что конечно счастлив, потому что Крым вернули. Он сам в Крыму ни разу не был и с трудом понимает, где тот находится, но он счастлив. Царь сказал, что так надо, по телевизору улыбающихся прохожих с российскими флагами показали, значит и он должен быть счастлив. И это, Лёня, неискоренимо. В России так будет всегда, народу нравится быть рабами и почти всем нужен царь. Не нужна им демократия и свободы какие-то, нужен вождь, нужна армия и чтобы боялись. Знаешь, что было написано в учебнике для царских кадетских корпусов?

– Что?

– Дословно, боюсь, не скажу, но смысл передам: Россия – государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвано оно быть грозой всего мира. Посмотри, по телевизору каждый день говорят про Великую и Сильную Россию, вспоминают Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина. Так это же тираны, которые миллионы людей истребили, причём, не просто истребили, а замучили самым зверским образом, а самое главное, поселили в людях страх, который и сегодня внутри у каждого живет. Вы, крымчане, уже поняли, что такое Страх? Да? Раньше ведь жить не боялись? А теперь страшно? Русский мир оказался совсем не такой, как по Первому каналу в новостях показывают? – Чайкин опустил глаза, ничего не ответил, но чуть заметно кивнул. – А россияне с таким чувством всю жизнь живут, из поколения в поколение, для них это – норма. И ведь, что самое интересное, – продолжал Дмитрий, – история давала шанс России, неоднократно давала, как будто бы извиняясь за Ивана Грозного и Сталина. Вспомни, судьба распорядилась так, что Борис Годунов на царство взошёл, умнейший человек своего времени, и сын его такой же. Реформы стал проводить, людей перестал в кипятке варить и кожу с них с живых сдирать, мир установил. Но не понравилось народу. А почему? А потому что страха не стало, а без страха жить не привыкли. Ладно, не нравится Годунов, нате вам Лжедмитрия Первого – Григория Отрепьева. Блестяще образованный и интеллигентный человек, опередивший своё время, который уже тогда, в начале семнадцатого века, хотел на Руси европейские порядки ввести, свободу дать, разрешить всем свободно за границу ездить, представляешь, это всего через двадцать лет после смерти Ивана Грозного. Тоже не понравился, убили. Царя, говорят, хотим законного и природного. Это только на Руси понятие такое было – «природный» царь. Страх нужен, не могут жить без страха. И выбрали, прости Господи. Не по заслугам выбрали, а по близости к рюриковской крови – Романова молодого и перепуганного, в монастыре прятавшегося. Потом ещё возможности были взять курс на Европу. Александр Второй, реформатор и умница, который крепостное право отменил и конституцию писал – убили. Революция 1905 года, конституция, парламент, потом февральская революция, отречение царя, что ещё вам надо? Вот он путь европейский, сам напраши-

вается. Но нет, мы опять выбираем Азию и нового царя – Сталина. Страх нужен, нет жизни без страха. А девяносто первый? Свобода, наконец-то, Советский Союз – империя зла развалилась, и что? Через десять лет – снова царь, опять идея великодержавности...

– А на Украине лучше что ли? – перебил монолог Чайкин.

– Ничуть не лучше, Лёня. Такая же нищета и безысходность. Только страха нет. Вот в чём разница. И люди на Украине очень многим готовы жертвовать, чтобы страха этого имперского и дальше у нас не было. Не хотим мы царя, не хотим Империю, не хотим Страх Всеобщего, а хотим, как в Европе, свободы и уважения к человеку. Именно поэтому декоммунизация повальная, именно поэтому жестко и принудительно отказываемся от советского прошлого, чтобы рабское сознание, худо-бедно выветрившееся за двадцать лет, опять не вернулось.

– А то, что портреты Бандеры и Шухевича в открытую носят и национальными героями их считают, это нормально?

– Как по мне, так лучше пусть Бандеру с Шухевичем носят, чем Ленина и Сталина. Они хотя бы людей убили меньше..., хотя... Кто их носит то, портреты эти? В основном те, кто ни своей, ни чужой истории не знают, и, если спросить, вряд ли расскажут о делах и мыслях того, чей портрет они несут на шествии, дали портрет, сказали, что герой Украины – всё, этого достаточно...

– Чайкин, хорош болтать, давай помогай, – умный разговор двух выпивших мужчин, как обычно, прервала Василиса Александровна, собирающая тарелки, рюмки и бокалы со стола. Гости разошлись.

– Иду, – отозвался Леонид Борисович и нехотя встал со стула, – извини, Дима, договорим, наверное, попозже, работать надо.

– Да, да, конечно, это ты меня извини, от дела разговорами пустыми отвлекаю, да и поздно уже, – писатель тоже поднялся и, слегка покачиваясь, направился в сторону лестницы.

Иван Петрович, пребывая не в самом лучшем расположении духа, тем временем поднялся на террасу второго этажа, где застал свою супругу в компании Юры и Славика. Евгения, закутавшись в цветной пушистый плед и мило поджав под себя ноги, сидела на плетёном креслице, пила кофе, курила и смотрела на шторм, который, если верить прогнозу погоды, к утру должен был стихнуть, но, видимо, море об этом не знало и продолжало бить свои мощные волны о бетон, словно намереваясь стереть с лица земли всё то, что вопреки природе построено человеком там, где этого, в принципе, быть не должно. Мужчины тихо переговаривались между собой, облокотившись на красивые кованые перила, держа в руках маленькие кофейные чашечки.

– Пошли спать, душа моя, – бросил полковник жене. – Спокойной ночи, молодые люди, – буркнул он под нос, якобы обращаясь к Юрию и Станиславу.

– Спокойной ночи, – в один голос ответили они, не оборачиваясь.

– До завтра, – Евгения встала с кресла, сбросила с себя плед, и, разворачиваясь лицом к двери, незаметно провела тыльной стороной ладони по упругим мужским спортивным ягодицам. Юра улыбнулся, а Славик порадовался, что его очередная шутка наконец-то понравилась собеседнику.

«Записки короля Толана»

II

Разрешите представиться, меня зовут Толан. Минуло почти восемьдесят зим с тех пор, как я появился на свет. Ноги уже не держат, но голова и руки худо-бедно работают, поэтому

целыми днями я сижу в кресле, обмакивая в чернильницу гусиное перо и выводя свои плохо поддающиеся прочтению закорючки на бумаге. Я не ходил в школу, писать и читать меня учил такой же мальчишка, каким и я был тогда, поэтому заранее прошу извинить, если что-то в моём слоге покажется грубым или нескладным.

Уже несколько лет, как я отошёл от дел и живу отшельником в небольшом доме на берегу, наблюдая, как луна меняет свой цвет, а море оттенков, назубок знаю часы приливов и отливов, слежу за голубыми и розовыми скворцами, выющими гнёзда в стене дома, в общем, замечаю всё то, на что раньше даже не обращал внимание. Я прожил длинную, интересную и не всегда правильную жизнь, которая, увы, подходит к концу, но обо всём по порядку.

Вы, наверняка, попросите меня чуть подробнее остановиться на событиях, предшествующих позднему визиту в дом моего отца Максана косматых суровых воинов с длинными мечами за спинами. Непременно, я поведаю вам и об этом, но сейчас я хочу рассказать о своей земле, об острове, который стал смыслом моей жизни, с которым я тесно переплёл свою судьбу. Сейчас, как мне кажется, вряд ли кто-то не знает короля Толана Первого (забегая немного вперед, отмечу, что не только Первого, но и Единственного), но ведь этого всего могло и не быть, поэтому, я думаю, моё небольшое отступление даст возможность ощутить дух тех смутных времён и понять причину, почему я решился, спустя много лет, описать давно минувшие события.

Родился я совсем недалеко от того места, где сейчас пишу свои записки, в небольшом городке, как осьминог раскинувшим свои узкие улицы-щупальцы наверху отвесной скалы красивейшего острова, дерзко торчащем посреди Мыльного Моря, который как только не назывался, но нам, ныне живущим, он известен под названием Мрышкан. Кого здесь только не было, и кто здесь только не жил со времён сотворения мира, и злые колдуны-орданы, и добрые волшебники-венцены, и племена, превратившиеся в людей из обезьян, говорят даже, что в старину замечали на острове гномов, эльфов, маленьких летающих фей с прозрачными крыльшками и всяких прочих леприконсов, а дед рассказывал, что в одной из пещер под зубцом Великой Горы пираты нашли скелет дракона, и он сам его видел своими собственными глазами.

Не было такого народа, который смог бы удерживать остров настолько долго, чтобы из памяти народной выветрились воспоминания о днях, когда Мрышканом правили другие. Всегда оставались те, кто помнил, что при прежних правителях было значительно лучше, находились люди, вызывающие смуты и волнения, и на смену прежним господам, приходили новые. Поскольку новые хозяева оказывались ничем не лучше предыдущих, а иногда явно хуже и жаднее, через некоторое время разговоры о том, что раньше было лучше, возникали вновь и всё повторялось.

Доживая свой век, я, видимо, остался последним, кто помнит, как было раньше, но я не хочу ничего менять, пусть будет так, как есть сейчас...

В часы, к коим относится начало моего повествования, Мрышкан уже почти полвека входил в состав Королевства Трехпалого Воинства, что раскинулось к северу от острова через пролив, именуемый Узким. Королевство время от времени переживало различные потрясения, там менялись короли, визири и министры, но на острове это особо не отражалось, формальная зависимость от Трехпалого Воинства Мрышкану не вредила, островитяне обладали какой-никакой самостоятельностью, нужно было только вовремя платить налоги, а Королевство обеспечивало мир и защищало границы. Мрышканцы, подданные Воинства, могли свободно выбираться как в Западные, так и в Восточные Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.